

Мелье Жан

Завещание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан М.**
Завещание / Мелье Жан – М.: Книга по Требованию, 2022. – 769 с.

ISBN 978-5-519-96113-4

ISBN 978-5-519-96113-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

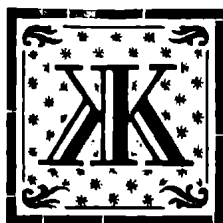
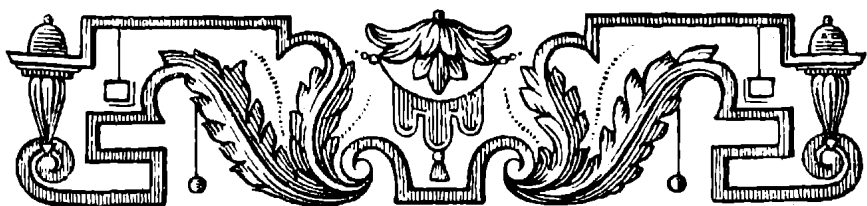
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕЛБЕ

и его «Завещание»

ан Мелье и его «Завещание» заслуживают почет-ного места в истории материализма, атеизма и социализма. О французском материализме Энгельс писал в 1874 г.: «Всего проще было бы позабо-титься, чтобы среди рабочих была распростране-на в громадном количестве блестящая француз-ская материалистическая литература XVIII в., — та литература, которая, со стороны формы и содержания, представляет собою до сих пор величайшее создание французского гения, которая, по своему содержанию, принимая во внимание тогдашнее состояние науки, и теперь еще стоит на недо-сягаемой высоте»¹.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализ-ма», опровергая ошибочную точку зрения о том, что атеистическая литература XVIII в. устарела, ненаучна, наивна и т. д., очень высоко оценивает современное значение этой литературы.

«Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападаю-щая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII в. сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей лите-

¹ Энгельс — Статья в № 73 Volksstaat за 1874 г. Цитируется по примечанию № 77 к XXVII т. собр. соч. В. И. Ленина, стр. 523.

ратуре и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают» (т. XXVII, стр. 184).

Эта высокая оценка, данная основоположниками марксизма-ленинизма блестящей плеяде французских материалистов — непосредственных предшественников французской буржуазной революции, — приложима и к жившему задолго до них Мелье. Правда, со стороны формы «Завещание» Мелье не обладает тем блеском, какой присущ, например, произведениям Гольбаха или Дидро. Но по содержанию «Завещание», несомненно, одно из наиболее выдающихся произведений атеистов-материалистов и утопических коммунистов Франции XVIII в.

Французский материализм и атеизм XVIII в. был идеологическим оружием борьбы «третьего сословия» против феодализма и «великого интернационального центра феодальной системы» — католической церкви. Церковь, бывшая сама крупнейшим феодальным владельцем, была оплотом французского абсолютизма, опиравшегося на феодальные сословия — дворянство и духовенство. Она беспощадно расправлялась со всяким проявлением материалистической мысли в науке и философии, вселяла недоверие к силам человеческого разума и к свидетельству чувственного опыта. Но «буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая бы исследовала свойства материальных тел и формы проявления сил природы»¹.

По этим причинам в борьбе против феодализма буржуазия направляла свои удары прежде всего против католической церкви. В этом отношении все группировки третьего сословия действовали единодушно.

Клич Вольтера: «Раздавите гадину!» (католическую церковь), встретил отклик во всех слоях общества, заинтересованных в свержении абсолютизма, в уничтожении власти и могущества церковной иерархии.

«Но рядом с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представителя всего остального общества, существовал общий антагонизм — эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков»². Это должно было получить свое отражение в области идеологии.

Идеологи умеренного крыла третьего сословия защищали интересы крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства и были еще тесно связаны с дворянством и высшим королевским чиновничеством. Подобно некоторым идеологам английской политики ком-

¹ Энгельс — Из предисл. к англ. изд. «Развитие социализма от утопии к науке». «Анти-Дюринг», стр. 283. Партиздат 1936.

² Энгельс — Анти-Дюринг. Стр. 12. Партиздат 1936.

промисса с дворянством они соглашались с признанием бога (деизм) и даже прославляли «мудрецов на троне» (Фридрих II, Екатерина II). Это крыло было заинтересовано в крушении католической церкви. Но оно страшилось революционных настроений масс. Вольтер, немало сделавший для разгрома церкви и абсолютизма, боялся народа. В письме к Д'Аламберу Вольтер писал: «Публика, на которую следует действовать, — это меньшинство, более обеспеченное, более полированное. Толпа безрассудна. Для сволочи, для черни нужны глупое небо и глупая земля. Чернь для разума не создана: масса — это быки, которым нужно ярмо, погонщик и корм».

Но уже со второй половины XVIII в. тон начинает задавать радикальный авангард торгово-промышленной буржуазии, которая решительно рвала с традициями прошлого. Она не была заинтересована в феодальной, внеэкономической эксплуатации трудящихся, она вступала на путь революционного переворота и в борьбе против абсолютизма и феодальных сословий оказалась беспощадным врагом религиозно-идеалистического мировоззрения.

Идеологи этой революционной буржуазии — Гольбах, Гельвеций, Дидро и др. — не ограничились критикой религии, а подвергли уничтожающей критике каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. «Я хотел бы, — повторяет Гольбах слова Мелье, — чтобы все тираны были удушены кишками священников, судей и слуг деспотизма». Но буржуазия — сама класс эксплуататорский, и потому даже в эпоху революционного подъема ее идеологи затушевывали и в лучшем случае замалчивали основной антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Наконец, левое крыло третьего сословия — разоренная феодализмом крестьянская беднота, разоряемые мануфактурой ремесленники, еще не сложившиеся в класс пролетарии — выдвинуло своих идеологов. Идя за авангардом торгово-промышленной буржуазии в его критике религии, идеализма и феодальных установлений, левые представители третьего сословия в области политических и социальных идеалов выставляли утопическо-социалистические требования. В начале XVIII в. в качестве представителя этих групп третьего сословия выступил Мелье, позднее — Руссо, Морелли, Мабли. Далеко не все представители левого крыла были материалистами и атеистами (Руссо и Морелли были деисты), как и многие деятели буржуазной революции 1789 г. Но политически они были гораздо радикальнее не только Вольтера, но и Гольбаха. Радикализм политический не всегда совпадал с радикализмом философским; Мелье в этом отношении последовательнее других представителей левого крыла третьего сословия.

Мелье был не просто просветителем, его проповедь материализма

и атеизма сочетается у него с пропагандой идей утопического коммунизма, с борьбой против общественного строя, основанного на эксплуатации трудящихся масс дворянами и королями, монахами и папами. «Завещание» проникнуто революционным духом, передовыми для своего времени коммунистическими идеями.

В значительной степени это и было причиной того, что в условиях буржуазного общества подлинный Мелье был долго и основательно забыт. За двести слишком лет со дня смерти Мелье его «Завещание» полностью было издано всего один раз в 1864 г. в Голландии, а полный перевод его впервые появляется теперь в нашем издании.

Биография Мелье исследована очень мало, и, например, Маутнер пытался даже возродить давно сданную в архив теорию, будто Мелье — выдумка Вольтера. Однако биографы располагают достаточными документальными данными, чтоб установить основные черты биографии этого замечательного человека.

Вольтер, написавший первую биографию Мелье, относит его рождение к 1675 г., смерть к 1733 г. Эти даты, как показали позднейшие исследования, неверны. Последний акт, подписанный Мелье в качестве священника, датирован 7 мая 1729 г., а 27 августа 1729 г. документы подписывает уже его преемник, аббат Гильотен. Кроме того установлено, что «Завещание» Мелье находилось в обращении уже в 1730 г. С другой стороны, запись в метрических книгах Мазерни, родины Мелье, свидетельствует, что он родился 15 июня 1664 г., а Буйо (*Biographie ardennaise*) располагал неопровержимыми данными о том, что Мелье был посвящен в духовное звание в 1688 г., 24 лет от роду. Поэтому правильно будет признать вместе с Буйо годы жизни Мелье 1664—1729 гг.

Родился Мелье в семье ткача. Образование он получил в духовной семинарии в Шалонь-на-Марне и поступил в священники. В 1692 г. он получил самостоятельный приход в Этрепиньи, где он прожил до самой смерти. Те немногие сведения, какие имеются о Мелье, позволяют рисовать его в образе сурового защитника истины и справедливости, неподкупного, нелицеприятного, неспособного кривить душой. Биографы передают характерный эпизод. Мелье отказался поминать в молитвах сеньора, владельца Этрепиньи, за его жестокое обращение с крестьянами. Помещик пожаловался архиепископу Реймскому, кардиналу де-Майи, который приказал священнику выполнять волю помещика. В ближайшее воскресенье Мелье с церковной кафедры возгласил: «Такова обычная участь бедных сельских кюре; архиепископы, будучи сами сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним; у них есть уши только для знати. Помянем же сеньора нашего селения и помолимся о г-не де-Клэри. Будем молить гос-

пода, чтоб он обратил его сердце и даровал ему благодать впредь не угнетать крестьян и не грабить сирот».

Под влиянием зрелища бедствий крестьянского населения, среди которого жил Мелье, он пришел к атеизму и к мысли о необходимости изменения общественного строя. Надо полагать, что это далось ему в результате упорной работы над собой, путем борьбы с привитыми ему с детства предрассудками. На обертке своей рукописи Мелье написал, что, познав господствующий в мире обман, злобу и безумие, он возненавидел все это, но не осмелился при жизни об этом сказать; он поэтому написал завещание, чтобы хоть после смерти его голос был услышан народом. Но Мелье пришлось пережить не только внутреннюю борьбу. Беспокойный священник подвергался непрерывным гонениям со стороны своего начальства и, по имеющимся сведениям, непрерывные преследования со стороны архиепископа Реймского довели Мелье до такого отчаяния, что он лишил себя жизни, уморив себя голодом.

«Завещание» было составлено в трех экземплярах, из коих один Мелье отдал на сохранение судебному приставу в С.-Менегульд; два других, адресованные прихожанам и адвокату Леру, были найдены после смерти Мелье среди его бумаг. Один из них попал в руки архиепископа Реймского, другой был отправлен к хранителю печати. Дальнейшая судьба подлинников Мелье неизвестна. Но рукописные копии «Завещания» появились в обращении в 1730 г. Вольтер в письме к Дамилавиллю от 8 февраля 1762 г. сообщает, что за 15—20 лет перед тем эти копии продавались по 8 луидоров. Сам Вольтер впервые узнал о «Завещании» от Тьеро в 1735 г. В письме к Тьеро Вольтер 30 ноября 1735 г. писал: «Что это за сельский кюре, о котором Вы говорите? Его надо сделать епископом округа Сен-Врен. Как, священник, француз, — и такой же философ, как Локк?» Но усиленный интерес к Мелье Вольтер проявил лишь в 1762 г. В переписке с разными лицами Вольтер на все лады расхваливает труд Мелье. «Завещание» Мелье все честные люди должны были бы иметь у себя в кармане», — пишет он Д'Аламберу. «Слишком мало Мелье», — пишет он Дамилавиллю.

В начале 1762 г. Вольтер выпустил сильно сокращенное (63 стр. in 8°) и искаженное издание «Завещания», вернее — извлечение из него, переиздававшееся затем в различных публикациях. Другое извлечение из «Завещания» под названием «Bon sens du curé Meslier» издано в 1772 г. анонимно Гольбахом. Оба извлечения — вольтеровское и гольбаховское — были неоднократно осуждены на сожжение судебными учреждениями Франции. Впервые «Завещание» было сожжено рукой палача по постановлению Парижского парламента 8 февраля 1775 г. И еще в 1838 г. «Bon sens du curé Meslier» было предано со-

жжению по постановлению судебной палаты в Вьенне. Даже приглашенное Вольтером и лишившееся политического жала, «Завещание» казалось властям опасным произведением, «оскорбляющим общественную и религиозную нравственность».

«Завещание», — писал Вольтер Гельвецию, — «написано стилем извозничьей лошади, но эта лошадь ловко лягается». В самом деле, своим боевым тоном, ненавистью к религии, тирании и классовому гнету «Завещание» резко выделяется среди атеистических произведений XVIII в.

«Завещание» отнюдь не случайное явление в жизни Франции. Мелье, как и многие другие революционно мыслящие идеологи третьего сословия, выступившие против короля, дворянства и духовенства — опоры феодальных отношений, выполнял своим «Завещанием» лишь социальный заказ обездоленного крестьянства, батрачества и полуремесленного пролетариата Франции, т. е. левого крыла третьего сословия.

Живя почти безвыездно в деревне, Мелье, как он сам об этом пишет, «никогда не вступал в близкие отношения с миром», и его политические воззрения складывались — помимо размышлений, навеянных книгами, — под влиянием наблюдения жизни крестьянства, с которым он близко соприкасался. «Бедствия стольких народов, тиранически угнетенных богатыми и знатными на земле», вызвали у него презрение к жизни и ненависть к существующему общественному строю. Пессимизм Мелье имел достаточные основания. «Блестящее» 72-летнее царствование Людовика XIV (1643—1715) истощило и разорило страну. Мероприятия Кольбера по предотвращению финансового краха королевства еще туже завили налоговый пресс, под которым стонали трудящиеся массы. Недаром, когда Кольбер умер, его похоронили ночью, тайком, из страха перед народными волнениями. Разлагающийся феодальный строй усиливал тяготы крестьянства, которое испытывало двойной гнет — со стороны все больше нуждавшихся в деньгах феодалов и со стороны буржуазных эксплуататоров. Крестьяне лишались земли, переходя на положение арендаторов исполу или превращаясь в батраков на землях крупных землевладельцев и фермеров. Пролетаризация крестьян при слабости промышленного развития Франции была равносильна пауперизации. Голод и голодная смерть стали рядовым, нормальным явлением во французской деревне.

Провинция Шампань, где находился приход Мелье — Этрепийни, ранее была бойкой торговой дорогой, а при жизни Мелье превратилась в обобранную дворянством и духовенством крестьянскую, в основном, местность.

Голод, нищета, эпидемические заболевания доводили крестьян-

ство этой провинции до физического вырождения и вымирания. Мелье был свидетелем ужасающей нищеты и моральной приниженности крестьянства, произвола светских и духовных сеньоров, грабежа со стороны чиновников, разорения, приносимого военными постоями и непрерывными войнами. «Завещание» дает много материала для характеристики положения французского крестьянства в начале XVIII в. Крестьяне, — говорит Мелье, — «словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда», хотя «все люди равны от природы» (312 стр.).

Мелье дает яркие картины эксплуатации крепостных крестьян и крестьян-арендаторов. Они отягощены государственными налогами и поборами, как и особыми повинностями, налагаемыми на них их хозяевами, не считая того, что «несправедливо выжимают из этих несчастных бедняков церковники» (318 стр.).

Мелье называет дворянство и духовенство глистами и червями на крестьянском теле. «Эти люди только и делают, что беспокоят, мучат и пожирают бедные народные массы» (318 стр.). Мелье говорит, что дворянство и духовенство для народа «злее и страшнее библейских дьяволов».

К этим «худшим дьяволам» Мелье относит и «огромное множество церковников и бесполезных попов, как белого, так и черного духовенства, множество монсеньоров, аббатов, приоров и каноников и особенно чудовищную массу монахов и монахинь» (321 стр.).

Мелье в целом ряде мест разъясняет народу, что единственным источником богатства страны является производительный труд. Один час полезной работы, даже один гвоздь, имеют гораздо большую ценность, чем пятьдесят месс в день (334 стр.).

Крестьяне, лопатой и плугом обрабатывая землю, приносят, как это подчеркивает Мелье, для народа величайшую пользу, вместе с ремесленниками страны. Даже флейтисты и скрипачи, время от времени развлекающие и освежающие людей, утомленных работой, полезнее всех церковников и монахов, «насаждающих заблуждения, суеверия и шарлатанство» (336 стр.).

«Богачи и сильные мира похищают у них лучшую долю плодов их труда и оставляют им, можно сказать, лишь мякину от доброго зерна или подонки... вина» (347 стр.).

В таких условиях, по справедливому утверждению Мелье, революция неизбежна. Только революция может уничтожить ту каторгу, в которой очутилось крестьянство Франции. Мелье об этом пишет без обиняков, ссылаясь при этом на такой же вывод лучших людей Франции. Эти притеснения заставляют их желать того, чтобы произошла революция...

Отправной пункт революционной пропаганды Мелье — борьба с религиозно-идеалистическим мировоззрением и церковью.

Эту пропаганду он ведет по различным направлениям. Прежде всего показывает внутреннюю несостоятельность библии, вскрывает внутренние ее противоречия, отсутствие в библии здравого смысла и естественных моральных установок.

Единственными судьями для себя Мелье считает интересы народа и здравый смысл. Он очень много цитирует из библии, часто сопоставляет тексты священного писания друг с другом, пользуется творениями «отцов церкви» и всегда неизменно приходит к выводу, что кроме вреда для народа, сознательного обмана и выдумок духовенства ничего в библии не заключается. Мелье бьет не только по католической церкви, но по религиозно-идеалистическому мировоззрению вообще.

Как все французские материалисты XVIII в., Мелье происхождение религии объяснял идеалистически. Он считал религию только «выдумкой и обманом духовенства», а религиозность объяснял «невежеством, невоспитанностью, отсутствием хороших законов и хороших правительств». Однако заслуга Мелье заключается в том, что он главным образом подчеркивает эксплуататорский характер религиозных взглядов вообще и духовенства в особенности.

Разоблачению экономической основы современной Мелье религии и разоблачению феодально-эксплуататорской сущности духовенства он уделил больше внимания и привлек для этого больше конкретного материала, чем Гольбах. Гольбах апеллировал своим атеизмом в первую очередь к буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые сами пользовались эксплуатацией и, естественно, не имели желания акцентировать внимание на эксплуататорской сущности духовенства и дворянства. Не могли они также пропагандировать коммунистический строй, как это сделал Мелье.

Лозунг Мелье, пересказанный потом Гольбахом, нашел отражение и в поэзии Пушкина. Он зазвучал как революционный клич:

Народ мы русский позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Мелье приводит целый ряд конкретных примеров того, что духовенство и церковь представляют собой крупнейшую эксплуататорскую организацию. Например, бенедиктинский орден имел в то время не менее ста миллионов золотом годовой ренты (323 стр.). В этом ордене было не менее 30 тысяч мужских и женских аббатств и 14 тысяч приорств, причем одно аббатство в Монте-Кассини рас-